

Ominayashi

*Шепот
умов
миллионов*

Ominayashi Ominayashi

Шепот умов миллионов

<https://litres.ru/74560622>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Шепот умов миллионов» — антиутопическая притча о городе, который не приказывает, а шепчет, и о двух людях, которые научились слушать тишину.

Шелвилл — тихий городок на реке Морне, где улицы сбегают к воде, липы пахнут мёдом, а из фонарных громкоговорителей, наушников и телефонных динамиков льётся мягкий, почти дружеский шёпот: «Ты должен быть продуктивным. Ты должен быть счастливым. Ты должен быть согласным». Город не давит — он уговаривает, и от собственного желания отказаться нельзя. Шайя Велт, цветочница из лавки «Лист и Лепесток», однажды слышит тишину — и понимает, что цветы молчат честнее, чем люди говорят. Шон — человек, чьи шаги не совпадают с ритмом шепота — тоже слышит. Между ними — город, который не хочет, чтобы они встретились, потому что двое, переставших соглашаться, опаснее толпы, которая согласна.

Повесть — о том, как тончайший шёпот, если его слушать достаточно долго, глушит собственный голос, и как найти того, кто поможет снова услышать себя.

Ominayashi

Шепот умов миллионов

Шепот Умов Миллионов

или Как Шайя и Шон перестали слушать и начали слышать

Глава 1. Город, который всегда говорит

Есть города, которые молчат. Есть города, которые кричат. А есть Шелвилл — город, который шепчет.

Шелвилл раскинулся на берегу тихой реки Морны, в ложбине между двумя невысокими холмами, поросшими серебристым вереском, — и издали казался безмятежным, как спящий кот. Узкие улочки сбегали к воде, точно ручьи, дома с черепичными крышами жались друг к другу, как голуби на карнизе, а клёны, росшие повсюду, — не просто росли, а словно дирижировали ветру, помахивая тонкими ветвями. В парке Гартнер, что в центре города, росли липы, посаженные ещё дедом нынешнего мэра, и в сентябре, когда листва загоралась медью, воздух пропахивал так сладко, что можно было стоять с закрытым лицом и представлять себе мёд, тёплый хлеб и чьё-то присутствие рядом — только присутствие, больше ничего.

Впрочем, в Шелвилле присутствие рядом всегда ощущалось. Даже когда рядом никого не было.

Потому что город шептал.

Шепот не был громким. Он не вторгался в уши, как сирена, не врзался в сознание, как крик торговца на базаре. Нет. Он просачивался, как сырость сквозь старую штукатурку, — постепенно, незаметно, а к тому времени, когда ты понимал, что промок насквозь, было уже поздно. Шепот обитал в динамиках телефонов, которые каждый житель носил при себе, как носят талисман. Он тёк из уличных громкоговорителей — тех самых, что висели на фонарных столбах, как чёрные фрукты. Он бормотал из радиоприёмников, из дешёвых блютуз-колонок, из крошечных наушников, вставленных в уши бегунов на набережной.

«Ты должен быть продуктивным, — шептал город. — Безделье — это грех».

«Ты должен быть счастливым. Несчастье — это неудобство для окружающих».

«Ты должен быть согласным. Согласие — это гармония. Гармония — это правильно».

И люди соглашались. Потому что шепот не приказывал — он советовал. Мягко, почти ласково, почти по-дружески. Он не говорил «делай», он говорил «ты ведь хочешь?» — и это было хуже любого приказа, потому что от приказа можно отказаться, а от собственного желания — нет.

Вот так и жил Шелвилл: тихо, послушно и правильно. Все ходили на работу, все улыбались, все покупали нужные вещи, все слушали правильную музыку, и никто — решитель-

но никто — не задавал вопроса: а кто, собственно, шепчет?
До одного дождливого вторника, когда Шайя впервые услышала тишину.

Глава 2. Девушка, которая услышала тишину

Шайя Велт работала в цветочной лавке на углу Лайм-стрит и проспекта Песенников — название проспекта было ироничным, потому что ни один шелвилец не пел. Лавка называлась «Лист и Лепесток», и Шайя любила её с тем особым, необъяснимым чувством, с каким любят место, где можно тихо побыть собой. Цветы не шептали. Цветы молчали с достоинством, и в этом молчании было больше правды, чем во всём городском гуле.

Ей было двадцать четыре. У неё были тёмные, почти чёрные волосы, которые она стригла сама — не из экономии, а потому что не доверяла парикмахерам, и без всякой задней мысли, а просто потому, что ей нравилось ощущать ножницы в руке, этот аккуратный, осторожный звук — вжик, вжик, вжик — который заглушал шепот на несколько драгоценных минут. Глаза у неё были серые, как река Морна в облачный день, и когда она смотрела на вас, вам казалось, что она видит вас насквозь — не в пугающем смысле, а в обнадеживающем: вот, наконец, кто-то, кто действительно смотрит.

Тот дождливый вторник ничего особенного не обещал. Небо с утра налилось свинцом, тучи легли на холмы, как серые одеяла, и воздух сделался тяжёлым, влажным, пахну-

щим мокрой землёй и чем-то ещё — предчувствием, что ли. Шайя стояла у прилавка, составляя букет из поздних астр и веточек гипсофилы, когда из динамика её телефона, лежавшего на полке за кассой, полился привычный шёпот.

«Тебе тридцать лет — ну, почти, — шептал голос. — У твоих подруг уже есть стабильность. Квартира. Планы. А у тебя — цветы. Подумай об этом. Подумай правильно».

Раньше Шайя думала. Раньше она кивала, и руки её чуть-чуть дрожали, и она ловила себя на том, что уже через минуту соглашается с шёпотом — да, конечно, цветы — это несерьёзно, да, конечно, нужно что-то менять. Но в тот вторник что-то пошло не так. Или, наоборот, совершенно так.

Молния ударила где-то за холмами. Гром прокатился по городу, как пустая бочка по каменной мостовой. И на секунду — на одну-единственную, короткую, невозможную секунду — электричество моргнуло, динамик захрипел и замолчал.

И в этой секунде тишины Шайя услышала дождь.

Просто дождь. Капли по стеклу витрины, по навесу над дверью, по жестяным подоконникам соседних домов. Дождь, который бормотал что-то своё — не о продуктивности, не о стабильности, не о правильности — а просто о том, что он есть. Что он падает. Что земля его ждёт.

Секунда кончилась. Динамик ожил. Шёпот вернулся. Но Шайя уже не слушала. Она стояла посреди лавки с веточкой гипсофилы в руке и смотрела в окно, за которым дождь раз-

мывал контуры города, и впервые за много лет думала не то, что ей велели думать, а то, что хотела думать она сама.

Думала она примерно следующее: кто выключает этот шёпот?

Глава 3. Незнакомец с мокрым зонтом

Шон Аррел появился в «Листе и Лепестке» через двадцать минут после того, как Шайя услышала тишину. Он вошёл, хлопнув зонтом, — зонт был огромный, чёрный, похожий на перевернутый купол, — и с потолка лавки на пол полился целый ручей. Шайя посмотрела на него поверх астр. Шон посмотрел на неё поверх мокрой чёлки.

— Мне нужно растение, — сказал он. — Такое, которое не требует правильного ухода. Которому не нужно объяснять, как жить.

Шайя подняла бровь.

— Вам нужен кактус, — сказала она. — Или кот.

— Кот не помещается в горшок, — ответил Шон серьёзно.

Он был высокий, чуть сутулый, с русыми волосами, которые дождь превратил в нечто неопределённое — не то гриву, не то облако. Лицо у него было длинное, со скошенным подбородком и морщинками у глаз, которые говорили о том, что он много щурится — от солнца, от ветра, от мыслей. Одет он был в серый плащ, который выглядел так, будто его владелец спал в нём на сеновале, а под плащом — свитер, рубашка, и ещё что-то, что угадывалось под рубашкой, — может быть,

ещё один свитер. Шелвилл был не самой тёплой страной.

— Кактус, — повторил Шайя. — Хорошо. Кактус не шепчет.

— Ничто не должно шептать, — сказал Шон, и сказал это так, словно за этими словами стояла целая стена, о которую он долго бился лбом.

Шайя поставила гипсофилу в вазу.

— Вы не отсюда, — сказала она. Не спросила — сказала.

— Отсюда, — ответил Шон. — Но недавно начал это замечать.

Она достала из угла кактус — маленький, круглый, колючий, с одним крошечным цветком на макушке, бледно-розовым, как зорька.

— Десять монет, — сказала она. — И, если не секрет, что вы заметили?

Шон взял кактус, покатал горшочек в ладонях, посмотрел на цветок.

— Я заметил, — сказал он медленно, — что все вокруг говорят одинаковыми фразами. Что в кафе все заказывают одно и то же. Что мои коллеги на работе — я работаю в городской библиотеке, архивный отдел — цитируют шёпот слово в слово, как будто это их собственные мысли. И я заметил, что когда мой телефон разряжается, мне становится легче дышать.

Шайя молчала. За окном дождь усилился, и по стеклу побежали толстые капли, как слёзы по лицу дома.

— Вы первый человек, который сказал мне это, — сказала она наконец. — Все остальные говорят, что мне кажется.

— Вам не кажется, — ответил Шон. — Я проверил.

Он порылся в кармане плаща и выложил на прилавок, рядом с кассой, бумажный свёрток. Развернул. Внутри лежала схема — нарисованная от руки, тушью, с тонкими стрелочками и пометками. Шайя наклонилась. На схеме был изображён город — её город, Шелвилл, — а поверх улиц, домов и парков тянулись линии. Тонкие, красные, как нервные нити. Все они сходились в одной точке, на северо-восточной окраине, у подножия холма Келлер, где стояло длинное приземистое здание без вывески.

— Что это? — спросила Шайя, хотя уже знала.

— Это, — сказал Шон, — штаб-квартира того, что шепчет.

Глава 4. ШУМ

Они сидели в кафе «Тихий приют» — название было ещё одной городской иронией, потому что в кафе не было ничего тихого: из потолочных динамиков лился шёпот, и официантка, принимая заказ, повторяла фразы из шёпота с механической точностью автомата.

— Два латте, — сказал Шон.

— О, отличный выбор, латте — это напиток гармонии, — сказала официантка. Шон поморщился.

— Ладно, — сказала Шайя, обхватив чашку ладонями. —

Расскажите мне всё.

Шон рассказал.

Он работал в городской библиотеке три года. Архивный отдел — пыльное, непопулярное место, куда не заходил почти никто, потому что в Шелвилле не было принято копаться в прошлом. Прошлое — это хаос, шептал город, а хаос — это неправильно. Но Шон любил прошлое. Он любил старые газеты, выцветшие фотографии, записи городских советов, и в этих записях он нашёл странную вещь.

Двадцать лет назад в Шелвилле не было шёпота. Двадцать лет назад по городу ходили трамваи, и люди спорили, и кто-то пел на улицах, а в парке Гартнер по вечерам играл оркестр — настоящий, духовой, с трубами и барабанами. А потом, ровно двадцать лет назад, городской совет проголосовал за «Программу акустической гармонизации». Никто не помнил, кто предложил программу. Никто не помнил, как голосовали. Но с того дня по городу были установлены громкоговорители. А ещё через год каждый житель получил телефон — бесплатно, от города, — и в телефоне был динамик, который никогда не выключался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.